

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ
ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ
АРХИТЕКТУРЫ

*Theoretical questions
of the history of architecture*

И.А. Бондаренко

АНТИЧНЫЕ ПОРТИКИ С ЧЕТНЫМ И НЕЧЕТНЫМ ЧИСЛОМ КОЛОНН В СВЕТЕ ТРАДИЦИОННОГО ОТНОШЕНИЯ К ЗАМЫКАНИЮ И РАСКРЫТИЮ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОСИ ЗДАНИЯ¹

Статья посвящена теме раскрытия и замыкания главной пространственной оси античных культовых зданий, в зависимости от чего в одних случаях входные проемы в них устраивались посередине, в других — по сторонам от центральной колонны, столба или простенка. Исследование потребовало привлечения сведений, относящихся и к иным культурным традициям. Автором выдвигается гипотеза, что в глубокой древности старались сохранять в тесном единстве две стороны симметричной конструкции храма и надежно уберечь святыню внутри целлы. Позже появилось стремление расширить пространство храма и открыть прямой доступ к изваянию божества, обеспечивая все большее распространение его спиритуалистического воздействия на окрестности. Продольная ось периптера была сакральной, поэтому с ней не следовало жестко увязывать планировку мирского поселения. Отсюда исходил давний обычай прокладывать земной путь к храму со стороны, под почтительным углом. Этот обычай оказался забыт и трансформирован в период увлечения регулярными планировками Нового времени.

Ключевые слова: архитектура, пространство, геометрия, ось, симметрия, храм, целла, апсида, врата, окна, замкнутость, открытость

I.A. Bondarenko

CLASSICAL ANTIQUE PORTICOS WITH AN EVEN- AND ODD-NUMBERED COLUMNS IN THE LIGHT OF THE TRADITIONAL ATTITUDE TOWARDS CLOSING AND OPENING THE SPATIAL AXIS OF THE BUILDING

The article is devoted to the topic of opening and closing the main spatial axis of the Classical antique religious buildings, depending on which in some cases the entrance openings in them were arranged in the middle, in others — on the sides of the central column, pylon or pillar. The study required the involvement of information related to other cultural traditions. The author hypothesizes that in ancient times they tried to keep the two sides of the symmetrical structure of the temple in close unity and reliably protect the shrine inside the cell. Later, there was a desire to expand the space of the temple and open direct access to the statue of the deity, ensuring an increasing spread of its spiritualistic influence on the surrounding area. The longitudinal axis of the periphery was sacred, so the layout of a secular settlement should not be rigidly linked to it. From here came the long-standing custom of paving the earthly path to the temple from the side, at a respectful angle. This custom was forgotten and transformed during the period of fascination with the regular planning of the New Time.

Keywords: architecture, space, geometry, axis, symmetry, temple, cella, apse, gates, windows, closedness, openness

В эпоху греческой архаики утвердилась традиция строительства храмов с четным числом колонн на торцевых фасадах, хотя еще сохранялось и более древнее

¹ Исследование выполнено в рамках Плана фундаментальных научных исследований Минстроя России и РААСН на 2024 г., тема 1.1.6.1.

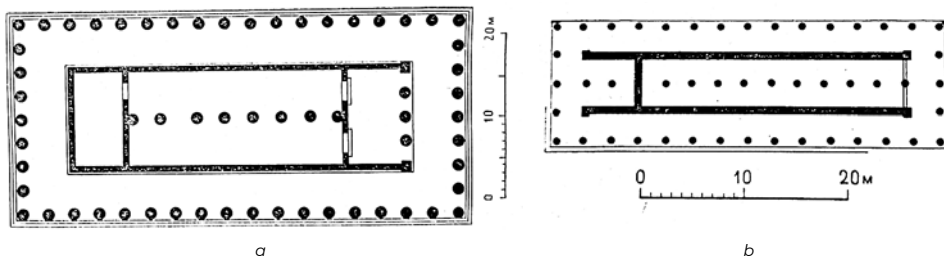

Рис. 1. а — Фермос. Храм Аполлона. План. Около 640 г. до н. э. (Маркузон 1973: 56); б — Посейдония. Храм Геры. План. Около 540 г. до н. э. (Маркузон 1973: 104)

правило установки на них по три, пять, девять колонн, в результате чего на центральной оси оказывался не проем, а глухой архитектурный массив (Маркузон 1973: 56, 102–105) (рис. 1). Пятиколонные портики и в гораздо более позднее время составляли характерную особенность архитектуры Боспорского царства. Об этом свидетельствуют изображения ионического храма на пантикапейском надгробии и на многих монетах, датированных временем правления царя Котиса I (45–62 гг. н. э.). Кроме того, существует достаточно убедительная графическая реконструкция пятиколонного фасада дорического храма, посвященного царю Аспургу (23 г. н. э.), выполненная В.Д. Блаватским (Блаватский 1964; Кругликова 1966; Пичикийн 1984: 227–230) (рис. 2).

В большинстве случаев центральная колонна лишь загромождала врата целлы, но были храмы и с двумя входами по сторонам от столба или простенка, за которым вдоль вытянутого внутреннего помещения стоял ряд опор, поддерживающих перекрытие. По этому принципу было построено и светское здание — булевтерий в Олимпии (VI в. до н. э.) (рис. 3). В.Ф. Маркузон в своей «Схеме происхождения ордоров» выделил дерево-сырцовые постройки Малой Азии с плоскими

глинобитными кровлями по сплошному накату, срединные несущие балки которых укладывались на ряды столбов с развилками наверху или с подбалками (Маркузон 1973: 50, 51). Как видно, в таких зданиях просто не могло быть центрального прохода.

Однако известны два храма VIII и VII вв. на Крите — в Дреросе и Принии, где в наосах по продольным осям стояло только по два столба, а между ними располагались алтари (Маркузон 1973: 26, 27) (рис. 4). Это значит, что главному священному объекту предназначалось все-таки место срединное. О том же свидетельствуют и первобытные жилища с очагом в центре.

Архаические периптеры бывали на удивление узкими. Можно догадываться, что в древности особую заботу составляло сохранение в тесном единстве двух сторон симметричной архитектурной конструкции, внутри которой должна укрываться и надежно оберегаться святость.

Позже стало нарастать стремление расширить интерьер храма, будто расщепляя центральные опоры ради обретения пространства продольного нефа, открытия прямого доступа к изваянию божества и содействия истечению от него

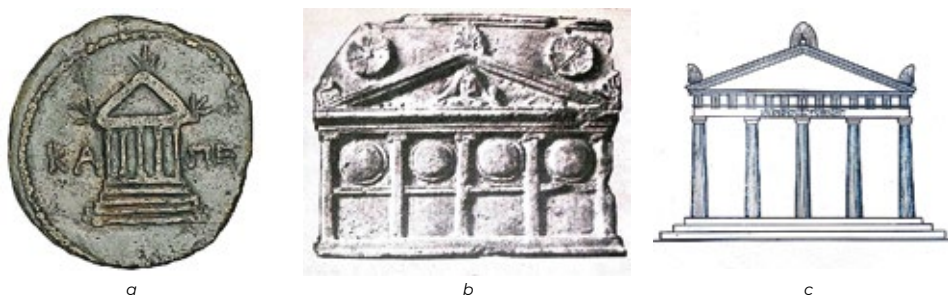
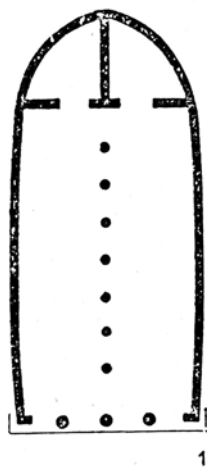
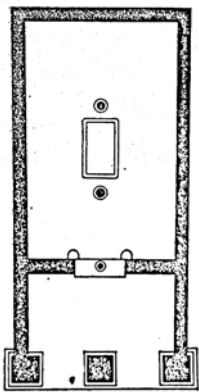

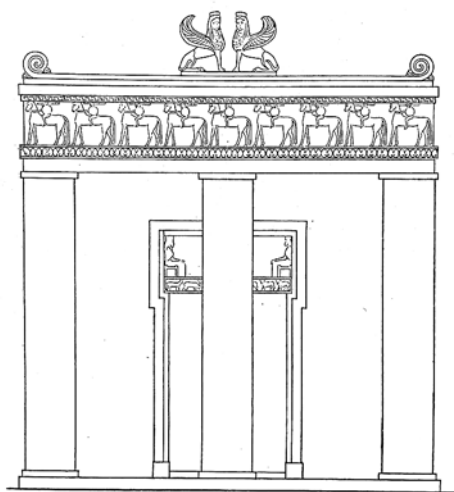
Рис. 2. а — Пантикапей. Аверс монеты Котиса I с изображением ионического пятиколонного портика (фото П.В. Панухина); б — рельефное изображение пятиколонного портика храма на пантикапейском надгробии (Пичикийн 1984: 228); в — дорический храм Аспурга. Реконструкция В.Д. Блаватского (Пичикийн 1984: 229)

1

a

b

Рис. 3. Олимпия. Буле-
терий. План. VI в. до н. э.
(Маркузон 1973: 120)

Рис. 4. Приня. Храм А. Конец VII в до н. э.: а — план; б — фасад (реконструкция)
(Маркузон 1973: 26)

благодати вовне. Вместе с тем традиция постановки столбов по оси храма оставалась настолько живучей (а следовательно, значимой), что и в эпоху греческой классики знаменитый архитектор Иктин поддержал ее, установив в центре храма Аполлона в Бассах коринфскую колонну на том месте, где положено было находиться богу.

Разделение здания на правую и левую половины напоминает о традиции обособления мужской и женской половин жилища. В типичной русской избе, крытой на два ската, «красный угол» и «бабий кут» образуют в паре симметричный «перед», куда «смотрят» окна. В Белоруссии до недавнего времени сохранялся обычай ставить спереди на венец сруба вертикальное бревно с развилкой — «дедка» — для укрепления на нем «князевой слуги» (Рыбаков 1987: 499). Истоки этого обычая, несомненно, уходят в глубокую древность, когда были распространены вышеупомянутые в связи с происхождением ордеров строения, балки которых опирались на стволы деревьев с естественными развилками.

Пара симметричных окон под двускатной кровлей представляется наиболее логичным древним приемом формирования образа дома, а с ним и храма как жилища божества. В этом образе улавливаются черты антропоморфизма. Два небольших проема с глухим простенком между ними напоминают глаза, поса-

женные подо лбом по сторонам носа. А дверной проем посередине ниже окон оказывается на положении человеческого рта или пасти животного. Такая аналогия присутствует в сказочном фольклоре (Пропп 1986: 63, 64).

Наилучший пример взаиморасположения окон и двери дают двухэтажные здания. До нас дошли образцы изб на подклете, вход в который находится спереди (На путях 1989: 113). Именно по этому принципу устроены многие шикарные дворцы с вестибюлем на первом этаже и парадными помещениями в бельэтаже. Окна здесь относятся к миру горнему, а вестибюль — к дольнему, сходному с пещерой в горе.

Мы привыкли к входным порталам по центру зданий. Их история тянется со времен преобладания простейших однокамерных жилищ с одной дверью на улицу. Однако нельзя забывать, что двери и ворота не было принято держать нараспашку. Да и сегодня людям приходится зачастую пользоваться не главными, а вспомогательными, боковыми подъездами. Продолжая аналогию ворот со ртом, надо заметить, что в народе считалось неприличным широко разевать его и «болтать языком». Недаром сложилось поучение: «держи язык за зубами». Другое дело окна — «очи». Они призваны глядеть на «белый свет» и следить за происходящим, хотя и их следовало прикры-

вать от опасных посторонних взоров, а на ночь затворять глухими ставнями.

Для рассматриваемой темы интерес представляет модель архаического храма из Сицилии (I тыс. до н. э.) с двумя человеческими головами на фронтоне — бородатой и безбородой (рис. 5). Очевидно, это головы мужчины и женщины, которые создали семейный союз. Они, безусловно, связаны с древнейшим культом близнецов. Образуя от рождения неразлучную пару, братья или брат и сестра, становившиеся нередко супругами, символизировали бинарное строение мира, его единство, сохранявшееся, покуда между ними царилась любовь и согласие. Многие мифы повествуют о том моменте, когда между близнецами возникла распря, они разошлись, мало того, — один убил другого, вызвав вселенскую катастрофу, после которой мир стал иным (Иванов 1991).

Двуликие идолы, перекрещенные коньки, фетиши в виде двух столбов, накрепко связанных между собой, окрашивание двух половинок человеческого лица разными красками — все это делалось для того, чтобы закрепить основополагающий порядок вещей. Но и в расколе целого заключался космологический смысл: силы жизни раскрепощались и получали динамику. Важно было не исключать такую метаморфозу, а умело управлять ею в ходе циклического течения времени. Понимание этого помогает углубиться в интересующую нас тему закрывания и открывания центрального входа в здание.

Рис. 5. Сицилия. Модель архаического храма, I тысячелетие до н. э. (Голан 1994: рис. 394, 1)

Стоит вспомнить о характерном для традиционной культуры ритуале пролезания или протаскивания больного сквозь расщелину в священном дереве или камне с целью его перерождения и исцеления. Ту же цель преследовало укладывание ребенка на некоторое время в устье печи (Байбурин 1993: 53, 54). Посещение храма должно было оказывать, по сути дела, сходное по своей благотворности воздействие на взрослого человека.

Проникновение в пространство инобытия не могло не быть затруднительным. Вспомним, какие препятствия чинились героям сказок на пути туда. Встречались мертвящие душу избушки вовсе без окон и дверей. Их можно было заставить открыться, но только применяя заветную формулу. А как опасен, но необходим и спасителем был проход корабля аргонатов между Сциллой и Харибдой. В христианской культуре фигурирует особенно значительное выражение на эту тему: «тесен путь в Царствие Небесное».

Церковные врата тоже отворяются не всегда и не для всех. Тем более это относится к дверцам алтарной преграды. Стена апсиды и вовсе не имеет входного проема, который будто замурован в ней. Объяснение тому можно найти в Книге пророка Иезекииля: «И привел он меня обратно ко внешним воротам святилища, обращенным лицом на восток, и они были затворены. И сказал мне Господь: ворота сии будут затворены, не отворятся, и никакой человек не войдет ими, ибо Господь, Бог Израилев, вошел ими, и они будут затворены. Что до князя, он, как князь, сядет в них, чтобы есть хлеб пред Господом; войдет путем притвора этих ворот, и тем же путем выйдет» (Иез., 44, 1–3). Можно констатировать, что христианский храм строился по данному завету. Правда, Горнее место в его алтаре предназначалось не для князя, а для священника.

Алтарная апсида имела только окна. На давнюю традицию их устройства проливает свет предписание патриарха Никона делать впредь не по два окна «во имя Солнца и Луны», а по три — «во имя пресвятой Троицы» (Бусева 2003: 137). То есть прибавить проем и по центру, уничтожая, тем самым, ассоциации окон с двумя главными небесными светилами, а также с глазами, разделенными носом. Церковь, как известно, настойчиво боро-

а

б

Рис. 6. Армянский хачкар типа Аменапркин (Всеспаситель): а — общий вид; б — фрагмент. Рельефные изображения Солнца и Луны сопровождаются надписями, вплетенными в орнамент (фото А.Ю. Казаряна)

лась и с астральной символикой, и с антропоморфизмом архитектурных форм.

Судя по мифам народов мира, окна зданий испокон веков уподоблялись Солнцу и Луне. Та половина, где царит ночное светило, считалась темной и женской, а та, где дневное, — светлой и мужской. Хотя бывало и не совсем так: Месяцу приписывалась роль мужа Солнца (Топоров 2010: 328).

Наблюдения за небом показывают, что Солнце и Луна то сходятся, то расходятся в противоположные стороны. На востоке ежемесячно происходит «старение» Луны и ее «умирание/растворение» в лучах восходящего Солнца, а на западе — новолуние — «рождение» молодого Месяца. Полнолуние возникает на полпути от начальной точки до конечной. Такая небесная механика хорошо иллюстрирует содержащуюся в мифах мысль о том, что один из близнецов был смертным, а другой — бессмертным.

Для анализа астральной символики античных портиков особый интерес представляет пример Парфенона, поскольку на его восточном фронте, по краям, запечатлены колесницы Солнца (Гелиоса) и Луны (Селены). В центре изображена сцена рождения Афины из головы Зевса. Как видно, это знаменательное событие происходило в полнолуние.

Об исключительной устойчивости традиции фланкирования сакрального об-

раза парой небесных близнецов свидетельствуют и христианские изображения Солнца и Луны на концах перекладины Голгофского Креста или немного выше. Обращают на себя внимание русские поклонные кресты, увенчанные зачастую двускатной кровлей, воспроизводящей схему построения античного храма, только в иных пропорциях — типичных для избы и клетской церкви. Особенно богатой пластикой отличаются армянские хачкары, на некоторых из которых искусно вырезаны рельефные образы светил, поддерживаемых астральными животными (рис. 6). Показателен также фасад церкви XIII в. в Гошаванке с Солнцем и Луной по краям² (рис. 7).

Симметричные фигуры предстоящих наглядно выражают идею почитания и охраны объекта, находящегося в центре. Нередко этот объект трактуется как рождающееся божество, стройная колонна, нежное молодое растение, процветший крест или могучее мировое дерево (Топоров 2010: 324–336) (рис. 8). В Книге Бытия говорится о двух деревьях — «жизни» и «познания добра и зла» (Быт. 2,9). Вкушение запретного плода второго из них разрушило идиллию мира, за что первые люди были изгнаны из рая и лишены доступа к дереву жизни (Быт. 3,24).

В.Н. Топоров, занимавшийся сравнительно-мифологическим изучением образа мирового дерева, нашел много ин-

² Автор благодарит А.Ю. Казаряна за сообщение данной информации и предоставление замечательных авторских фотографий.

тересных примеров почитания двойных или спаренных деревьев, сочетавших в себе противоположности и хранивших продуктивную силу жизни (Топоров 2010: 315–339).

Осмелюсь высказать предположение, что Солнце и Луна как мифологические близнецы служили знаками двух рассеявшихся сторон дерева «познания добра и зла». Первое светило считалось всевидящим, второе — премудрым. Вместе они, согласно Библии, осуществляли измерение течения времени, которое необходимо для накопления и осмысления знаний. В их движении усматриваются циклы борьбы противоположностей. А на оси между ними, в «золотой середине» осталось пространство вечности, в котором благоухает и плодоносит дерево «жизни». Для христиан инвариантом этого дерева служит животворящий крест.

Приведенные наблюдения свидетельствуют о важности построения в прошлом симметричных фасадов зданий с проемами по сторонам от центрального простенка, в котором мог делаться или не делаться входной портал. Понятно, что боковые проемы способствовали почтительному обходу и осмотру святыни, находящейся внутри, а проемы осевые открывали пугающе прямые и кратчайшие пути к ней. Они предназначались не для простых смертных, до сих пор предпочитающих жаться к обочинам и отходить в сторону при встрече с чем-то необыкновенным и заслуживающим поклонения.

Божественный образ предполагает наличие вокруг него «ауры», держащей молящихся на должной дистанции. Известны библейские свидетельства, как Бог нисходил к людям в непроглядном облаке «славы Господней» и как это облако наполняло Святая Святых. Испокон века изображения богов и обожествленных героев делались в красивых обрамлениях, приоткрывающих то сакраментальное пространство, в котором они пребывают. Для христианского искусства характерна иконописная форма овальной, либо заостренной по концам мандорлы. Чувствуется, что форма эта может растянуться вширь и округлиться, как нимб, а может и сузиться, предельно стиснув, «свернув» заключенное в ней пространство, словно упомянутый в Апокалипсисе «свиток»,

Рис. 7. Гошаванк. Церковь XIII в. Фасад с изображением Солнца и Луны в верхних углах портала (фото А.Ю. Казаряна)

в который обратится небо в конце времен.

На иконах и фресках Господь предстает на фоне раскрытой в сторону молящихся мандорлы. За ним — небо, подобное полуцилиндрической стене апсиды, увенчанной конхой. Христианский храм наполняется исходящей из мандорлы благодатью. И эта благодать истекает по мере возможности вовне по трем направлениям — через западные, северные и южные врата.

В античных периптерах изваяния богов ставились в целлах, не имевших боковых входов (кстати, боковые фасады классических периптеров, согласно формуле $2n+1$, получали нечетное число колонн). Только первые низкие лучи Солнца могли эффектно освещать их, проникая сквозь восточную дверь, а потом эти изваяния вновь погружались в сумрак — до следующего утра (если не было отверстия в кровле). Можно сказать, что боги лишь иногда, в урочные часы, являли себя людям для совершения таинственных ритуалов. Но постоянно были открыты проходы вокруг целлы, служившей для них земным пристанищем или ковчегом.

Рис. 8. Символ жизни с парой предстоящих по сторонам: а — древнегреческая стела, похожая на портик храма с колонной по центру (Голан 1994: рис. 340, 4); б — прорись с ассирийского рельефа (Голан 1994: рис. 345, 2); с — изображение на скифском сосуде греческой работы (Голан 1994: рис. 352, 3)

Удлиненная форма плана языческих периптеров, так же как и христианских базилик, подчеркивает сходство их именно с ковчегом — спасительным судном, ладьей, кораблем. На это определенно указывает этимология слова «неф», которым принято именовать продольное пространство средневекового европейского храма. По-видимому, люди считали, что боги посещают дольний мир в своей нерушимой оболочке, движущейся по небесному океану, наподобие космического корабля: достаточно вспомнить солнечную ладью египетского Ра. И древнегреческие, и римские, и другие языческие боги и титаны отождествлялись, как известно, с планетами, Солнцем и Луной. Это оправдывало возведение им на земле храмов, вытянутых вдоль трасс их полета с востока на запад.

Трассы эти прямолинейны потому, что принадлежат небу, а не земному ландшафту. Людям свойственно ходить извилистыми путями, натыкаясь на препятствия, небожителям же — легко перемещаться по прямой. В одной древнерусской легенде эта тема обрисована чрезвычайно ярко: «Китоврас» (кентавр) был не способен делать повороты на кривых улицах Иерусалима, поэтому их выправляли, ломая мешающие строения. Летать над домами он почему-то не мог (Сказание 1969: 371).

Земные правители в торжественных случаях тоже следовали прямо по оси прокладываемого для них и ревностно оберегаемого пути (Бартенев 1916: 93). Еще лучше, когда их несли или везли, не давая прикасаться к грешной земле.

Китайские императоры недаром величались «сыновьями неба». Интересно, что центральные входы в их дворцовые комплексы было принято перегораживать специальными стенками-экранами, называвшимися «ин-би». Их приходилось обходить. В конфуцианском трактате Сунь-цзы указан порядок строительства «ин-би»: «У Сына неба стена-экран снаружи, у князей чжухоу — внутри, согласно ритуалу ли» (Шевченко 2006: 51, 52). Древнейшим из обнаруженных археологических объектов со стеной-экраном снаружи является комплекс Фэнчу в районе Цишань провинции Шэньси, датируемый XI в. до н. э.³ (рис. 9). Ясно, что таким образом внутренние покои дворца оберегались от проникновения людских взоров, чего нельзя достичь при открывании дверей. Имеют смысл и народные поверья, что стенки «ин-би» охраняют дворец от дракона, который не способен огибать препятствия (ср. «Китовраса»).

Препятствие перед порталом создавало защиту возле архитектурного объекта, а за порталом — только внутри него, вокруг пространственного ядра. Колонна по центру некоторых античных портиков, конечно, не перекрывала полностью проход в клету, но останавливала и разделяла процессию, направляя ее в обход храма. Когда такой колонны не было, здание казалось более гостеприимным, открытым для посещения. Однако интерьер храма всегда хранил в себе тайну, постижение которой требовало совершения ритуальных обходов по периметру — вокруг и под колоннадами как внешней,

³ Автор благодарит М.Ю. Шевченко за предоставление этих исторических сведений.

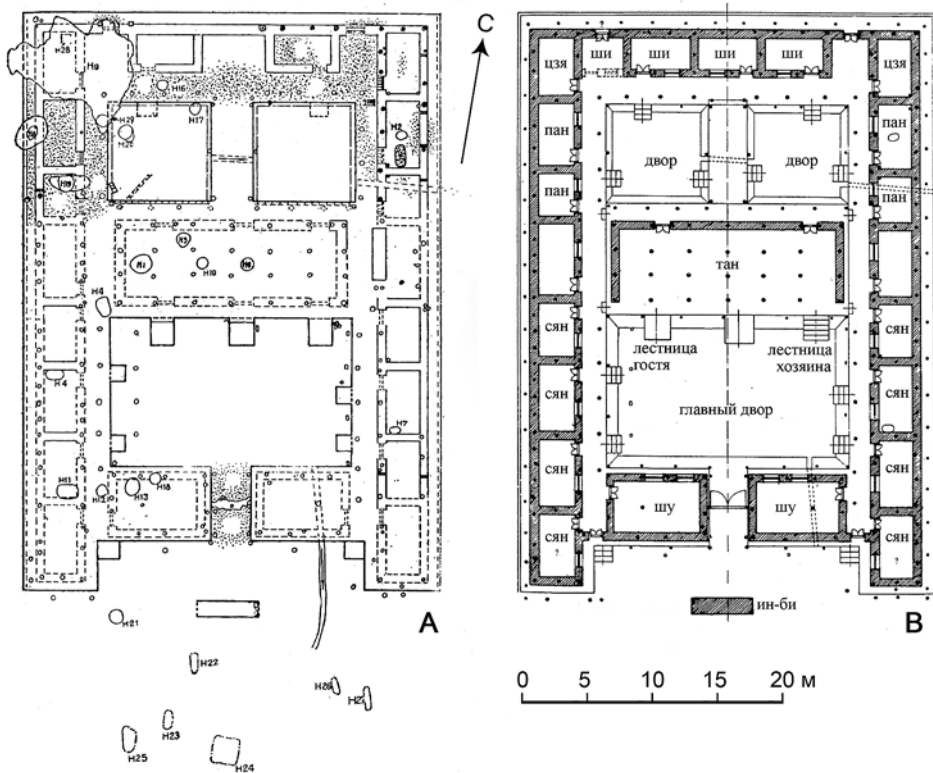

Рис. 9. Китай. Район Цишань провинции Шэньси. Комплекс Фэнчу. План XI в. до н. э. (Шевченко 2006: 52)

так и внутренней, если ею обрамлялась статуя божества.

Сходное с колонной по центру портика, но гораздо большее значение имел открытый алтарь перед храмом. В христианское время ему на смену в ряде случаев пришел баптистерий. Разумеется, прежде чем получить дозволение войти в храм, надо было принести жертвы, очиститься, креститься.

В интерьере древнего жилища находился священный очаг. Его приходилось огибать, чтобы приблизиться к почетному месту в глубине. В христианском храме выгораживался только алтарь, но открытое подкупольное пространство с амвоном посередине было тоже богослужебным, побуждающим прихожан сторониться и сгуживаться в боковых нефх и нартексе.

Знаменательно в этой связи наблюдение А.Ю. Казаряна о том, что в некоторых раннесредневековых армянских храмах дверные проемы устраивались напротив внутренних несущих столбов, что заставляло входящих двигаться в стороны. В базилике Цицернаванк по такому

принципу были расположены не только северная и центральная южная двери, но и оконные проемы, лучи света из которых, преграждаясь стенами, рассеивались, что усиливало в интерьере эффект таинственности. А западного портала здесь не было вовсе. И это не единственный случай создания эффекта замкнутого пространства храма. А.Ю. Казарян называет и другие памятники «со столбами, полностью или частично заслоняющими входные проемы», а именно: трехнефную базилику Егварда, храм Звартноц, а также храмы в Леките и в Селевкии Пиерии (Казарян 2012: 86–88).

Обобщая можно сказать, что благоговейное отношение к архитектурному пространству заставляло организовывать его таким образом, чтобы становилось понятно: главная осевая линия, точнее, плоскость — священна, божественна и потому должна всячески оберегаться. Не к ней ли относятся понятия «золотая середина» и «золотое сечение»? Исходящую из храма ось нельзя сильно акцентировать и закреплять планировочными средствами в широком профанном

окружении. Человек должен подходить к храму робко, с угла, глядя на него «в три четверти», как выражался А.В. Бунин, отмечая эту характерную особенность постановки архитектурных доминант в древности и средневековье. Данный обычай был забыт и радикально трансформирован в период увлечения регулярными планировками Нового, а тем более, Новейшего времени.

В заключение можно высказать мысль, что утверждение традиции строительства портиков с четным числом колонн было связано с существенными переменами в религиозном сознании античных греков. Вероятно, это происходило под влиянием соседних народов, шедших по тому же пути — все большего сближения с обитателями небес, всащеского замаливания и задабривания их во имя получения благоволения свыше. Соору-

жения с глухими простенками по центру фасадов походили на ковчеги-реликварии, в которых надежно спрятаны и «опечатаны» добытые сокровища и святыни. В древнейшие времена люди стремились овладевать ими ради получения магической силы. Суть этого стремления заключена в старинном выражении: «взять бога за бороду». Но пришло время, когда магия сдала свои позиции и уступила место молитвенным обращениям к бессмертным богам, априори неподвластным людям, хотя и очень похожим на них. Это сделало неуместными «храмы-темницы». Поэтому чем дальше, тем больше культовые постройки стали открываться вовне и пронизываться светом для того, чтобы быть привлекательными и для божеств, и для молящихся, с трепетом воспринимающих от них истечение благодати.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Байбурин 1993 — Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточно-славянских обрядов. СПб.: Наука, 1993.
- Бартенев 1916 — Бартенев С. Московский кремль в старину и теперь. В 2-х кн. Кн. 2. М., 1916.
- Блаватский 1964 — Блаватский В.Д. Пантеикапей. М., 1964.
- Бусева-Давыдова 2003 — Бусева-Давыдова И.Л. Образ православного храма в синодальный период // Архитектура в истории русской культуры. Вып. 5: Стиль ампир. М.: Рохос, 2003. С. 135–138.
- Голан 1994 — Голан Ариэль. Миф и символ. Изд. 2-е. М.: Русслит, 1994.
- Иванов 1991 — Иванов В.В. Близнечные мифы // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х томах. Т. I. М., 1991. С. 174–176.
- Казарян 2012 — Казарян А.Ю. Церковная архитектура стран Закавказья VII века: формирование и развитие традиции. Т. 1. М.: Locus Standi, 2012.
- Кругликова 1966 — Кругликова И.Т. Боспор в античное время. М., 1966.
- Маркузон 1973 — Маркузон В.Ф. Архитектура Древней Греции // Всеобщая история архитектуры в 12 томах. Т. 2. Второе издание, исправленное и дополненное. М., 1973. С. 7–390.
- На путях 1989 — На путях из Земли Пермской в Сибирь. Очерки этнографии североуральского крестьянства XVII–XX вв. / отв. ред. В.А. Александров. М., 1989.
- Пичикян 1984 — Пичикян И.Р. Малая Азия — Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1984.
- Пропп 1986 — Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: ЛГУ, 1986.
- Рыбаков 1987 — Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987.
- Сказание 1969 — Сказание о Соломоне и Китоврасе // «Изборник». Сборник произведений литературы древней Руси. БВЛ. Сер. первая. Т. 15. М.: Художественная литература, 1969. С. 370–375.
- Топоров 2010 — Топоров В.Н. Мировое дерево. Универсальные знаковые комплексы. Т. 2. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010.
- Шевченко 2006 — Шевченко М.Ю. Истоки формообразования пространственных стереотипов в архитектуре Китая эпохи Чжоу (XI–III вв. до н. э., среднее и нижнее течение реки Хуанхэ): дис. ... канд. арх. М., 2006.

REFERENCES

- Baiburin A.K. *Ritual v traditsionnoi culture (Ritual in traditional culture)*. Saint Petersburg: Nauka publ., 1993 (in Russian).
- Buseva-Davydova I.L. *Obraz pravoslavno-go khrama v sinodal'nyi period (The image of the Orthodox church in the Synodal period)*. *Arkhitectura v istori.russkoi kultury (Architecture in the history of Russian culture)*, vol. 5. Moscow: Rokhos publ., 2003, pp. 135–138 (in Russian).
- Golan A. *Mif i simvol (Mythos and symbol)*, second ed. Moscow: Ruslit publ., 1994 (in Russian).
- Ivanov V.V. *Bliznechnye mify (The Twins' myths)*. *Mify narodov mira (Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia)*, vol. 1. Moscow, 1991, pp. 174–176 (in Russian).
- Kazaryan A.Yu. *Tserkovnaia arkhitectura stran Zakavkaz'ia VII veka: formirovanie i razvitie traditsii (Church architecture of the 7th century in transcaucasian countries: Formation and development of the tradition)*, in 4 vols., vol. 1. Moscow: Locus Standi Publ., 2012 (in Russian).
- Pichikyan I.R. *Malaia Aziia — Severnoe Prichernomor'e. Antichnye traditsii i vliianiia (Asia Minor — Northern Black Sea Region. Ancient traditions and influences)*. Moscow: Nauka Publ., 1984 (in Russian).
- Propp V.Ya. *Istoricheskie korni volshebnoi skazki (Historical roots of the fairy tale)*. Leningrad: Leningrad State University Publ., 1986 (in Russian).
- Rybakov B.A. *Yazychestvo Drevnei Rusi (The paganism of Old Rus')*. Moscow: Nauka Publ., 1987 (in Russian).
- Toporov V.N. *Mirovoe derevo. Universal'nye znakovye komplekсы (World tree. Universal signed complexes)*, vol. 2. Moscow: Manuscript monuments of OLD Rus', 2010 (in Russian).